

ститься «по новой вере», чтобы быть последовательным в признании ее правильности, также заявляет: «еже тебе креститься, то и инех паки подо-баеи прекрестити, иже от тебя ныне крещены суть . . . и святых отец крестити . . . и прежде бывших царей, и патриархов, и митрополитов . Убойся, отступниче, сия словеса глаголати».

В «Прении» находится и почти дословная цитата из «Христианоопасного щита веры» Авраамия: «Верный рече: „... И паки апостол глаголет. «Един господь, едина вера, едино крещение». И по сему апостольскому словеси, все ныне не веры, но ереси и раздоры“». У Авраамия читаем: «Святыи апостол Павел: „Един господь, едина вера, едино крещение, един бог и отец всех“. Аще по апостолу един господь, едина вера, то инья все не веры, но ереси и раздоры».¹⁶

Наиболее показательный материал для сопоставления «Прения» с сочинениями Авраамия дает заключительная часть спора. Спор в «Прении», как уже отмечалось, заканчивается угрозой со стороны «отступника». Он перечисляет представителей «властей», которые «переводят потихоньку» товарищей «верного», рассказывает об их методах «убеждения»: «немного дают говорить, рот-от у вас затыкают кулаками, а иное — камением в зубы, да и бороды теребить горазды». Оказывается, что «Павел Крутицкой с товарищи, с рязанским митрополитом, да с Ларионом, думным дьяком, да с чудовским архимаритом Иоакимом» — это все те лица, которые допрашивали и судили инока Авраамия в феврале 1670 г., как об этом подробно рассказывает он сам в «Вопросе и ответе» («рязанский митрополит» — Иларион, «думный дьяк Ларион» — Иларион Иванов). Более того, при допросе «власти» учинили над Авраамием именно такую расправу, которой угрожает «отступник». Ему действительно «немного» дали говорить: «И сие мое разсуждение Павлу митрополиту зело полюбилося, не усидел на месте своем и, восстав, прииде ко мне, и любезно ми от своего смирения почал подавать благословение: взял мя левою своею рукою за бороду и нача браду мою крепко держати, паче же и терзати. И сие творя, святитель, болезнуя о мне, исповедал брады моея, крепка ли есть, чгобы было за что держати, егда станет, десницею своею благословлять, ведая свое крепкое благословение, сего ради держа мя, чгобы не пошатился от его благословения и о помост полатной не ушибся. Егда исповедал браду мою, начал десницею своею по ланитом моим доволно мя благословляти, да и по носу доволно мя благословил».¹⁷ Ирония, с которой Авраамий описывает поведение «святителя», могла быть истоком иронической характеристики «властей» в «Прении».

Важно отметить, что если Авраамий в «Вопросе и ответе» обращается к авторитету «простых людей» («простым людям зело блазнено будет»), «верный» в «Прении» «отцами и праотцами нашими» называет «простолюдинов». Но этот факт уже характеризует не столько литературную зависимость сочинений, сколько общность взглядов писателей.

Итак, моменты сходства «Прения» с сочинениями инока Авраамия довольно значительны. Не случайно, видимо, один из героев «Прения» — старообрядец, спорящий с «никонианином», назван «верным иноком».

Обнаруженная связь «Прения» с «Вопросом и ответом» Авраамия, написанным в августе 1670 г., позволяет несколько иначе судить о датировке «Прения»: уточняя одну границу периода создания этого произведения — после августа 1670 г. она ставит под сомнение вторую границу —

¹⁶ Там же, стр. 13.

¹⁷ Там же, стр. 391.